

городской идентичности, также берут на себя СМИ. «Медийный шум»¹⁴⁸, сопровождающий событие, определяет его значительность, не зависящую порой от его значения. События и реалии, позиционирующие город, становятся таковыми за счет информационной активности. Так 1 декабря 2014 года известный московский дизайнер, блоггер А. Лебедев выложил в своем блоге вариант логотипа Екатеринбурга, который вызвал огромное количество негативных откликов, и фактически привел к ситуации необходимости одобренного жителями логотипа. Весной-летом 2015 года дизайнеры участвовали в конкурсе на официальный логотип города, а жители в сети Интернет активно обсуждали достоинства и недостатки предложенных проектов.

Городская идентичность предполагает не только идентификацию горожанина с конкретным городским сообществом, но и некими уникальными свойствами и характеристиками, отличающими этот город от всех других городов мира. Осваивая его пространство, встраиваясь в его темпоритм, усваивая практики и перенимая привычки мы создаем идентичность себе, как горожанам, и ему, как живому целому.

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

А. С. Гагарин

Проблема интенциональности интересует современную философию как вопрос о направленности человеческого сознания, воли, чувств (и шире – личностно-самостного бытия) в широком, антропологическом смысле. Это предполагает активное участие субъекта, задающего основания и параметры интенцирования. У Э. Гуссерля интенциональность предстает как наполненность сознания, душевного опыта и характеристика изначального присутствия мира в его целостности до любого возможного синтеза его аналитических моментов, выявленных в нем. С помощью трансцендентальной редукции, которая является продолжением редукции психологического опыта, феноменологическая философия открывает изначальное присутствие мира, образующее единство первичного значения – источник значения любого акта, «о-существляющего» мир. Интенциональность составляет, по Гуссерлю, внутренний двигатель этой жизни, непрерывное динамическое пересечение собственных пределов, пульсирующее преодоление границ, устремленное к новым горизонтам. По нашему мнению, понимание интенциональности

¹⁴⁸ Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / пер. с англ. В. Козлов. М.: Ад Маргинем, 2012. 240 с.

продуктивно только в «связке» (не только терминологической, но и метафизической) с феноменологической топикой, которая выступает внутренним ментально-психологическим пространством, необходимым для самоидентификации, осмысления человеком собственной самости в модусах экзистенциалов – как так называемых «отрицательных» – одиночества, страха и смерти, так и «положительных» – любви, веры, надежды и др. Феноменологическая топка является способом самопостижения – через очерчивание самостного «круга» (точнее, пульсирующих кругов), постоянное проведение демаркационных линий «здесь-Я а «тут-не-Я», и последующее наложение рефлексивных «лекал» на объекты (так и Я выступает как «самообъект»). Изначальная «маргинальность» (социальная, психологическая, экзистенциальная) есть исходная исследовательская точка философствования, поскольку его условием является особый взгляд со стороны, извне, «из-за скобок». Но феноменологическая топка, экзистенциальное пространство всегда шире, горизонтнее этих топик, всегда сопротивляется теоретическим, мировоззренческим, идеологическим лекалам, не укладывается в прокрустово ложе трактовок, дефиниций, концепций.

Феноменологическая топка может сгущаться, конденсироваться в топиках (мировоззренческих, философских, теоретико-личностных) – плавающих центрах смысла, содержательных узлах экзистенциально-мировоззренческих интенций. Феноменологическая топка в экзистенциальном свете всякий раз возникает преформируется, пронизывается личностным началом всецело – от центра до периферии. Новизна топки предопределяется временной ограниченностью эмоций (мысле-чувства), однако конечность мысле-чувств, их процессуальность есть орудие в борьбе с конечностью самой жизни человека. Тотальная пронизанность топки эмоциями, аффектами объясняется тем, что топка самобытия как бытия-в-мире ежеминутно, каждый миг заполняется «доверху» (снизу вверх), интенцируя к высшим (трансцендентным) принципам – к «небесам», к Абсолюту, сверх-смыслу, и даже абсурду как принципу бытия (А. Камю), вырастающему до Абсурда. Мысль о ежемоментной «свежести», новизне топки прослеживается, сквозит в афоризме Б. Паскаля о том, что «агония Христа совершается каждый миг, и потому нельзя спать»... Экзистенциальное интенциональное феноменолого-топологическое напряжение заключено в призыве М. Лютера к самоуниженному падению – для возвышения к Богу, а также в мысли С. Кьеркегора о необходимости прыжка в бездну для того, чтобы испытать силу веры и проверить тезис о спасении падающего (или прыгающего в бездну) человека Богом. Необъяснимое, абсурдное напряжение,

сопровождающее феноменологическое воспроизводство топики, отчасти обусловлено изначальным отсутствием, невозможностью структурированности экзистенциалов, их соподчиненности, иерархичности, от-центрированности (при обязательном наличии структурированности феноменологической топики).

Следует обратить внимание на экзистенциальную проблему соотношения интенциональности и трансцендирования. Если интенциональность – это направленность, векторность, то трансцендирование (т. е. интенция к трансценденции) – есть возможное (потенциально волевое) движение к бытию. Феноменологическая топика структурна, в ней латентно присутствует, воспроизводится «координатная сетка» (хотя сама экзистенция, напротив, имманентно не структурирована и не может быть таковой). Предназначение феноменологической топики – быть экзистенциальным, синтетическим витально-ментальным ориентиром для человека. Человек изначально находится в поисках самостного центра. Таким центром выступала с давних пор душа, а в ней располагался, согласно представлениям мировых религий, мистических и философских учений, центр центра – ум или сердце. Человек всегда был увлечен строительством внутренней, феноменологической топологической иерархии. Эта иерархическая структура позволяла устремляться вверх и подниматься над процедурами «ощупывания» собственного душевного пространства от границы до границы, от центра до краев. Наложение феноменолого-топической «координатной сетки» укрепляет волевое удержание границ, способствует сохранению собственной экзистенциальной целостности, самостности.

Экзистенция «принципиально», т. е. фундаментально, открыта для трансценденции. Можно образно представить оригинальную «пластичность» и «ситообразность» экзистенции под воздействием трансценденции. По нашему мнению, трансцендирование (фундаментальное определение экзистенции) предполагает постоянное интенцирование за пределы самого самосуществования, устремление экзистенции за собственные плавающие границы (при сохранении/обживании собственно этих самых пульсирующих границ) к трансценденции как к абсолютному бытию, к которому человек тянется вовне самого себя, и постигаемому в экзистенциальном опыте. Непрерывно переступая границы существующего горизонта, мы непрерывно трансцендируем, но никогда не можем достигнуть последней границы. Мы можем философски прояснить горизонт, но не можем его предметно познать.

Философская характеристика экзистенции неотделима от признания изначальной «зависимости» экзистенции от ее глубинных оснований (которые онтологически проявляются как внутренние-внешние). У С. Кьеркегора присутствует антитеза экзистенции

и эссенции (сущности как «системы понятий»). По Кьеркегору, экзистенция – это «внутреннее», постоянно переходящее во «внешнее», предметное (то есть «неподлинное») бытие. Онтология экзистенции – это бытие-между (inter-esse), экзистенция имеет принципиальный промежуточный, несамостоятельный, зависимый характер. Можно выделить следующие варианты зависимости экзистенции: 1) зависимость от божественной трансценденции (Бердяев, Ясперс, Марсель, Тиллих); 2) зависимость от «отрицательной» трансценденции, Ничто (Ницше, Хайдеггер), вернее – трансценденталий, но зависимость экзистенции проявляется собственно только в актах человеческого бытия (актах веры, нигилизма, etc.).

По М. Хайдеггеру, отношение между эссенцией и экзистенцией, имеющее силу для всех сущих (кроме человека), в случае с человеком видоизменяется, и тогда человек в своем существе (эссенции) предстает как экзистенция («сущность «личного» бытия в его существовании»). Экзистенция – есть мы сами и поскольку у нас, как у образцово сущего нет что (т. е. наличной вещиности), а есть кто (т. е. мы экзистируем) – мы и есть экзистенция. Экзистенция – это неналичное, сущностно-несубстанциальное бытие человека в качестве его возможности (человек есть то, чем он может стать), выражение единственности, уникальности каждого человека и его судьбы. Т. е., если допустимо такое развитие идей Хайдеггера, – это интимно-личностная вариативная судьбинность, или, по-другому, потенциальное, возможное существование (а не просто наличное существование). По нашему мнению, экзистенция – есть интенциональное бытие, «бытие-в-мире». Экзистенция – это существование человека именно как человека во всей проблематичности, трагичности собственного бытия¹⁴⁹, постоянном удержании в волевом напряжении всех аспектов своего самосуществования.

Экзистенция как отношение к бытию, выраженное через интенциональность (прежде всего, к трансцендентности, заданной «поверх» других объектов интенции) включает в себя, во-первых, утверждаемую в результате всех манифестаций экзистирующего субъекта трансцендентность бытия (как «бытие-за» конечностью человека), во-вторых, преодоление человеком собственной конечности (для «подлинного» воссоединения с бытием). Н. Аббаньяно полагал, что недостаточность экзистенции для самой себя является фундаментальным смыслом рождения и смерти как границ экзистенции (как элементов, определяющих ее конечность). Рождение (как возможность коэкзистенциального

¹⁴⁹ Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 15.

отношения) и смерть (как возможность исчезновения этого отношения) выражают «коэкзистенциальную» природу экзистенции и являются «коэкзистенциальным фундаментом существования». Рождение и смерть необходимо осознать как границы в их позитивном значении, «помогающие» организовать трансцендирование экзистенции к коэкзистенции¹⁵⁰. Таким образом, коэкзистенция может быть определена как глубинный подлинно человеческий (высший трансцендентный) смысл бытия, и она является достижением интенцирующей экзистенции, разворачивающейся и реализуемой в пространстве структурируемой феноменологической топики.

Между тем, в постфеноменологической философии, в частности, в концепции Мишеля Анри, предпринимаются попытки радикального создания «феноменологии жизни», используя «контр-редукцию» и концентрируя внимание на постижении самости, которая, по его мнению, оставалась сокрытой в «прежней» феноменологии Гуссерля, и заново восстанавливая связь мысли (*cogitatio*) со страстью (*passio*), извлекая интенциональную жизнь из «анонимности». Предлагаемая М. Анри «неинтенциональная феноменология» как «феноменология будущего» обосновывает саму интенциональность тем, что ей предшествует (феноменами жизни), распознает в интенциональности неинтенциональное жизненное начало, которое как раз и обуславливает ее осуществление¹⁵¹. Анри, по сути, говорит об экзистенциальном (самостно-жизненном) содержании интенциональности и пытается убрать из интенциональности неопределенный или безразличный взгляд, ведь интенциональность возможна только как интенциональная жизнь¹⁵², и, тем самым как бы приносит ее как «терминологическую жертву» для того, чтобы «признать феноменологичность, которая свойственная только жизни, признать страстную самоаффективность, делающую жизнь возможной в качестве жизни в ее радикальной чужеродности по отношению к интенциональному акту видения», повернуть феноменологию к «необъятной области жизни»¹⁵³. Таким образом, Анри в смысловых «интенциях» сближается с феноменологической экзистенциалистикой.

¹⁵⁰ Аббаньяно Н. Метафизика и экзистенция. // Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы. СПб.: Алетейя, 1998. С. 49–50.

¹⁵¹ Анри М. Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост) феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2014. С. 43.

¹⁵² Там же. С. 56.

¹⁵³ Там же. С. 57.